

Е.С. Соболева

**О КАТЕГОРИЯХ «ЕВРАЗИЙЦЕВ»
В ЛАНКИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(к вопросу о конструировании этничности
в эпоху глобализации)¹**

В колониальный период этнический состав Южной и Юго-Восточной Азии значительно усложнился в связи с перемещением крупных групп населения (солдаты, чиновники, торговцы, наемная и рабочая сила, рабы), расширением сети торговых маршрутов, хозяйственным освоением территорий. На о-ве Цейлон в португальский (1505–1658), голландский и британский (1798–1948) периоды возникли крупные этносоциальные группы смешанного происхождения. Все они занимали свою нишу в структуре ланкийского общества, закреплённую нормативными документами, и на протяжении пяти веков вносили вклад в экономику и культуру Шри Ланки. Возможности, обусловленные знанием особенностей культуры, психологии, быта разных народов, осваивавших остров, они использовали для конструирования этничности и эксплуатировали этот фактор ради достижения политических и экономических целей [McGilvray 1982: 262].

В конце XX в. выходцы из ранее находившихся «в тени» этносоциальных групп обратились к своей истории, стали публиковать воспоминания и семейные архивы, раскрывающие особенности самосознания и образа жизни. В отношении этих «тайных народов Азии» наблюдается терминологическая путаница, связанная с тем, что в Шри Ланке ряд терминов уже не употребляется, некоторые приобрели иной смысл. Термин *евразийцы* нередко используется некорректно, тем самым акцентируя биологическую составляющую людей. В реальности же смешения крови могло не быть, а суть процесса заключалась в том, что чисто азиатское население принимало крещение по разным причинам, перенимало язык, нормы жизни и быта колонизаторов. Низкокастовые рыбаки-карава, например, именно таким образом повысили свой социальный и экономический статус.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02785).

В проведенной британцами в 1871 г. переписи постоянно проживавшим на Цейлоне лицам разрешалось самим определить свою этнорасовую принадлежность. Помимо двух главных групп населения — сингалов и тамиллов — на острове имелись мавры и следующие категории смешанного «евразийского» населения: 5771 бюргеров, 2256 голландцев, 783 потомка голландцев, 1229 португальцев, 3431 евразиец, 22 полукровки (*half-caste*), 57 индо-британцев, 65 ост-индийцев, а также потомки французов, немцев, ирландцев, португальцев. Картина была весьма запутанной и хаотичной. В рамках одной и той же семьи люди определяли себя по-разному, учитывая оттенок кожи: один брат записывал себя как *бюргер*, другой — *евразиец*, третий — *европеец*. В переписях 1881 и 1891 гг. многие статьи были исключены [Roberts et al. 1989: 285]. В переписи 1901 г. числились даже 322 «рожденных в Индии бюргера» [Jayawardena 2009: 48].

В 2011 г. население Шри Ланки достигло 20 млн чел.: сингалы составляют 74,9 %, ланкийские тамилы — 11,1 %, мавры — 9,3 %, индийские тамилы — 4,1 %, малайцы — 0,22 %, европейцы, евразийцы и бюргеры — 0,19 %, прочие (китайцы, кафры, ведды, индийские мавры, европейцы) — 0,13 % [Census of Population and Housing of Sri Lanka]. Самим ланкийцам этносоциальный контекст малых групп не вполне ясен.

Ныне возобладала тенденция положительно трактовать голландское наследие, чему способствуют программы ланкийско-нидерландского культурного сотрудничества, и всех потомков смешанного населения сингалы нередко именуют термином *Lansi* (от *Hollandsche*). В британский период потомков португальцев они именовали *Tupas* или *Tuppai* (от *Torasses*), *mechanic-burghers* и оскорбительно *mico-burghers*. Ручной труд и введенные португальцами новые виды ремесел (пошив обуви, портняжное, столярное, кузнечное дело, книгопечатание, работы по железу, меди и цветным металлам), требующие новых навыков, не вписывались в структуру сингалских каст, и эти занятия *португальских механиков* удобно расценивать ниже земледелия и сферы обслуживания.

Только высшие чины колониальной администрации иногда привозили в тропики своих жен из Европы. Прибывавшие в поисках удачи мужчины вступали в браки с местными женщинами. Этот процесс колониальным властям контролировать не удавалось, хотя предпринимались попытки создать слой населения, на который они могли бы опереться. Обычно особо выделялись категории лиц, рожденных в Европе, рожденных на Цейлоне, потомков европейских отцов и местных женщин (или метисок) [McGilvray 1982: 240]. Как и сингалы, *бюргеры* и *евразий-*

цы патрилинейны (тамилы и мавры — матрилинейны). Дети относились к группе отца, этническая принадлежность матери «стиралась». Потомков смешанных браков вне традиции сингалы уничижительно называли *sankara* (возможный перевод — *отмеченный [особым] знаком, помеченный* — мнение Н.Г. Краснодембской) [Jayawardena 2009: i]. Так, доцента Университета Коломбо д-ра Кумари Джаявардена отказались признать своей и *бюргеры*, и *евразийцы*, поскольку ее мать — англичанка Eleanor Hutton, а отец — сингал-буддист д-р A.P. de Zoysa.

Первыми из европейцев в начале XVI в. на Цейлоне поселились *casados* (букв. *женатые, оседлые*) — получившие наделы земли отставные солдаты-португальцы, женатые на обращенных в католичество азиатских женщинах. Их потомки обеспечили власти рабочей силой — солдатами, клерками, ремесленниками, строителями кораблей [Jayawardena 2009: 23].

Генерал-губернатор Цейлона Ян Мацуйкер (1646–1650) разрешил браки голландцев с дочерьми португальцев — христианками подходящего статуса. Женившимся на местных женщинах было приказано оставаться в «Индиях», пока живы жены. Тех, кто, выйдя в отставку, оседал в колонии, называли *frijburgers* — *свободные горожане*, в отличие от *служащих* Ост-Индской компании (солдат и торговцев), туземцев и рабов. Первоначально термин *burgher* (букв. *горожанин*) обозначал не этнорасовый, а социальный статус. Впоследствии сертификаты горожан (*burgerij*) выдавались европейцам, доверенным цейлонцам, их семьям и домашним слугам, что позволяло им проживать в городах и иметь гражданские права [Ferdinands 1995: 1].

В британский период ситуация повторилась: британцы женились на дочерях голландцев, состоятельные уважаемые смешанные семьи были включены в категорию *британских бюргеров*, группы метисного населения теряли привилегированное положение и сближались с потомками колонизаторов предыдущего периода, статус их понижался. Губернатор Норт пытался создать элиту из формировавшейся с XVI в. новой местной знати (*mudaliyars*) и *бюргеров*, а бывших *служащих* привлек в колониальную администрацию для канцелярской и юридической работы. Освобожденные в 1815 г. рабы вошли в беднейший слой креольского населения, *метисов*, и приняли фамилии своих хозяев-*бюргеров* [Ferdinands 1995: 30].

В 1833 г. главный судья британского Цейлона сэр Ричард Оттли дал определение *бюргеров*: потомки голландцев, португальцев и других европейцев, рожденные на Цейлоне. Главным критерием была законность брака и происхождение по отцовской линии, неважно в каком поколе-

нии. Если брак не был узаконен, то происхождение определялось по материнской линии. Если законным отцом был сингал или индеец, то право называться *бюргером* утрачивалось [Ferdinands 1995: 47].

В начале XIX в. на Цейлоне насчитывалось около 900 *голландцев* и 5000 *португальцев*. Судьба *казаду* сложилась по-разному. Часть их сохраняла европейские традиции, вступала в браки с голландцами и британцами, влилась в общины *бюргеров* и *евразийцев*. Другие женились на сингалках, сохраняли португальские имена и со временем стали считаться сингалами. Многие сингалы ныне имеют португальские фамилии.

В начале XX в. британцы использовали термин *бюргер* для всех потомков смешанных браков предшественников, а также сингалов-христиан [Roberts et al. 1989: 44], с чем те не согласились [Ferdinands 1995: 2]. Внутри сообщества *бюргеров* выделялись группы разного статуса, происхождения, вероисповедания, профессиональной специализации.

Смешанное население как «промежуточные люди» оказывалось в каждый исторический период в непростом положении. Они не были ассимилированы в европейский средний класс из-за темного цвета кожи. Экономически они проигрывали коренному населению, поскольку не владели землей и существовали на жалование. *Бюргеры* проживали компактно в городах, предпочитали кузенные браки, вели активный образ жизни, устраивали вечеринки с танцами, подчеркивали, что не стремились копить деньги, но умели получать удовольствие от жизни, за что осуждались коренным населением. В 1901 г. *бюргеры* занимали на Цейлоне 32 % административных и профессиональных позиций, в 1932 г. — 18 % [Ferdinands 1995: 54].

Евразийцами (Eurasians) ланкийцы называли потомков браков британцев с сингалками и тамилками [Ferdinands 1995: 47]. Среди *евразийцев* сложилась своя иерархия. Потомки высших чиновников и офицеров гордятся родством с европейцами, богатство обеспечило им экономическую безопасность, они стремились получать образование. Светлокожие евразийцы высшего класса создали для себя «воображаемую общину» предков — протестантов голландского или британского происхождения. Они отделяли себя и от «бедных белых» — потомков младших офицеров, железнодорожных служащих, и от темнокожих португальцев-католиков.

На плантациях в XIX в. рождалось много *евразийских* детей. Дети плантаторов, нередко незаконные, неимущие и бесправные, оставались с матерями, которым покупался участок земли и хижина (бунгало), иногда ассимилировались в общину матери, но редко получали образование. Потомки *евразийцев* по-прежнему живут на плантациях, занимают

ся чаеводством, работают аптекарями, бухгалтерами, управляющими. Сингалы — владельцы плантаций в Galle и Deniyaya отдают им предпочтение. Мало кто сделал карьеру вне плантаций, так как им не было места в обществе, разделенном по расовым и кастовым признакам [Ferdinands 1995: 67]. *Евразийцы* выступали против кастовой системы [Jayawardena 2009: 8].

Британский миссионер, женатый на сингалке, открыл Paunter Home — детский дом и школу для детей и сирот-*евразийцев*. Их обучали профессиям, плантационному делу, коммерции. Дети стремились разбогатеть, добиться уважения в европейской среде, осваивали грамотную английскую речь, перенимали образ жизни, костюм, поведение британцев. Так, из семей Reith, Winter, Hermon, Roberts, Jenkins вышло много выдающихся спортсменов. Некоторые *евразийцы* поддерживали британцев, другие критиковали как колонизаторов, так и туземные обычаи.

Богатые *евразийцы* (плантаторы, квалифицированные специалисты) отделяли себя от *бюргеров*. Точно так же в Индии *англоиндийцы* отказывались признавать индо-португальских *feringhees* Малабарского побережья [McGilvray 1982: 249]. И *бюргеры*, и *евразийцы* подчеркивают, что все общины Цейлона были жестко разделены по признаку касты, религии, языка, занятия, происхождения, расы, домашних практик, соблюдали иерархию. Как и британцы, сингалы считали себя избранным народом (Будда избрал их для сохранения веры). И буддисты, и тамилы-индуисты считали вновь прибывающих внекастовыми и браки с ними не приветствовали [Jayawardena 2009: 8].

В переписи 1946 г. *бюргерами* и *евразийцами* назвали себя 42 000 цейлонцев, т.е. 0,6 % из 8,1 млн. *Бюргеры* подчеркивают, что, в отличие от *англо-индийцев*, своей родиной они считали Азию, но в 1950-е гг. националистическая политика властей вынудила их эмигрировать в Австралию и Великобританию [Jayawardena 2009: 45]. *Евразийцы* практически растворились в ланкийском обществе [Ferdinands 1995: 68]. В последние годы в официальной сфере Шри Ланки появился новый термин — *евро-ланкийцы*.

Библиография

Census of Population and Housing of Sri Lanka, 2012 <<http://www.statistics.gov.lk/>>.

Ferdinands R. Proud and Prejustice. The story of the Burghers of Sri Lanka. R. Ferdinands: Melbourne, 1995.

Jayawardena K. Erasure of the Euro-Asian. Recovering early radicalism and feminism in South Asia. New Delhi: Raj Press, 2009.

McGilvray D.B. Dutch Burghers and Portuguese Mechanics: Eurasian Ethnicity in Sri Lanka // *Comparative Studies in Society and History*. 1982. Vol. 24. P. 236–263.

Roberts M., Ismeth R., and Percy C.-T. People Inbetween: The Burghers and the Middle Class in the Transformations within Sri Lanka 1790s–1960s. Vol. 1. Ratmalana: Sarvodaya. 1989.

Е.Г. Царева

**ВОСТОЧНЫЕ КОВРЫ
В РУССКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ И ИНТЕРЬЕРАХ
Часть I. XV–XVII вв.**

Восточные ковры (мы часто называем их также мусульманскими), наверное, самые популярные произведения исламского искусства в западном мире. Ковры используются в меблировке частных домов и официальных зданий, включая церкви, практически во всех странах и у всех социальных слоев не только Европы и Азии, но и Америки и Австралии. Благодаря этому ковры можно рассматривать как успешных носителей общих для разных культур и менталитетов этнокультурных текстов. Показательно при этом, что сложившееся на Востоке за тысячи лет до нашей эры искусство ковроделия с формированием и распространением ислама подверглось мощному воздействию мусульманского стиля и идей. Это, однако, не воспрепятствовало вхождению изысканных гладких и ворсовых восточных тканей в культуру и быт самых разных народов мира. Предлагаемая статья рассматривает вопрос изучения ковра как общего для ковродельческих стран Евразии этнокультурного текста, общность которого объясняет восприятие его восточной «линии» христианским и иудейским населением России.

Тема эта мало изучена, поэтому первая часть статьи посвящена выявлению данных о памятниках восточного ковроделия XV–XVII вв. в русских письменных источниках с привлечением материалов зарубежных авторов.

Исламские ковры стали появляться в Москве и Петербурге в XVIII — начале XX в. Этот период развития российской городской культуры отмечен интересом к Востоку и его атрибутам, что отразилось